

Глеб Иванович Успенский

Зимний вечер

Глеб Иванович Успенский
Зимний вечер
Серия «Растеряевские
типы и сцены», книга 4

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664585

Аннотация

«...В рассказе «Зимний вечер» изображается эпизод из жизни мелкого чиновничества в дореформенную пору – в тексте упоминается: «в те поры войну воевали», то есть, очевидно, говорится о Восточной войне 1853–1856 годов. Рассказ основан на воспоминаниях писателя о своих детских годах в Туле. ...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Глеб Иванович Успенский

Зимний вечер

(Из чиновничьего быта)

I

Осень тянулась долго; целые дни и ночи лил дождь, шелкал капель, и слякоть на улицах делалась все ужаснее, грозя потопить весь город. Бабы думали, что зимы совсем не будет, полагали, что где-нибудь «морба-холера» началась или что-нибудь подобное, только вообще «не к добру», и пугались. Но зима таки пришла и заковала все сразу: еще вечером была настоящая грязная, дождливая осень, а утром царствовала зима: снегу, правда, не было, но мороз сковал все взрытые посреди улиц колеи грязи, и по поверхности замерзших лужиц мальчишки смело катались на коньках.

А скоро повалил снег, и настала настоящая зима.

Смеркается зимой рано. Часу в пятом вечера на западе горели какие-то красные, студеные пятна; полусонные вороны тучей поднимались с крыши присутственных мест, почему-то так любимых ими, каркая проносились над городом и на пути рассыпались по обнаженным сучьям дерев, торчавших в садах, среди глубокого снега. В эту пору движение

в Барановой улице затихает; тьма быстро сходит на землю, и кое-где зажигаются огоньки. В домах в это время закрывают ставни: во тьме слышен скрип по снегу валенков, хлопанье ставней и стук кулака в железный болт. Улица начинает заметно пустеть, все живое словно замерзает и коченеет. Только и копошится толпа мальчишек, из-под горы втаскивая длинную ледянку; задыхаясь и делая широкие шаги, взбегает вся толпа на вершину покатой улицы и через минуту мчится снова, разместившись один за другим. Они подталкивают ледянку ногами и в это время все разом говорят и размахивают руками; между тем ледянка начинает забираться в сторону, врезывается в сугроб, и скоро вся компания лежит на снегу, заливаясь звонким смехом. Катанья в хорошую погоду продолжают долго; но сегодня что-то «сиверко», и поэтому гуляки скоро разбредаются по домам.

В доме чиновника Галкина, помещавшемся на конце улицы, давно отпили чай, о чем свидетельствовали опрокинутые чашки, залитая скатерть, мокрые куски хлеба, валявшиеся по столу там и сям. В комнате было темно, свечку заслонял большой самовар, допевавший в эту пору свою так недавно еще бурливую песнь; пение его было уже сонное, вялое; он поминутно запевал на разные тоны, но на первых же порах замолкал и через несколько времени затягивал снова, на другой лад, чтобы замолчать опять.

Около стола, в тени самовара, сидела жена чиновника, дожидаясь, пока встанет муж, мерно храпевший за ширмами;

пенье самовара приковывало все мысли задумавшейся чиновницы, и думы эти так же печально бежали в ее голове, как жалобно пел самовар.

«Вот зима, – думала чиновница, – холод... ребятишкам надо шубенки... чулки теплые... а где взять?.. Все больше да больше... не напасешься... одни башмаки одолеют... Не успеют надеть, подавай новые... каторга! Не дать – жалко, не подкидыши какие-нибудь... свои... мать тоже... как ни на есть – а любишь, не кинешь, не убежишь... Тут вот еще нового жди... Кто-то будет: мальчик либо девочка? Бог знает!»

«Мальчика бы, – думает опять чиновница, – с мальчиком хлопот и возни меньше, с девочкой возись! Когда-то еще вырастет и где женихов найдешь? Женихи-то, по нынешнему времени, редки... Нет чтобы пристроиться, все больше – ветер ходит, ни постоянства, ни степенности! Ловить их надо; а как его поймаешь? Блоху и то трудно поймать, а жениха невпример... без приданого трудно! Нет, мальчик лучше! Того только знай, когда сечь, а уж он дорогу найдет, выскребется из беды...»

– Что это он в самом деле спит-то? – говорит чиновница вслух. – Иван Егорыч!.. Чай давно отпили, простыл совсем самовар!

Иван Егорыч всхрапывает отрывисто, словно чего испугавшись во сне, и не отвечает.

«Заспался, – решает чиновница и думает: – А девочке хорошо как муж попадется... Да коли хороший человек бу-

дет... За чиновника выйдет – бить будет, пьян когда напьется – нет хуже! За купца – тоже бить будет... Убежать от мужа? Куды от него убежишь?.. Поймают, вдвое дадут... А там ребята пойдут, жалованье небольшое, в обрез, доходов нету. Нониче господа сами «хлопочут», бывало откупались, теперь всё сами... Ребят наплодит, чем жить?»

Самовар вдруг начал хрипеть, словно умирал и испускал последнее дыхание. Чиновница сразу встала со стула и принялась будить мужа.

– Что это, в самом деле: всякий раз ждешь-ждешь, самовар кипит-кипит... Иван Егорыч!

– Не хочу! – необыкновенно скоро и очень невнятно проговорил муж.

– Встанешь, что ль? Слава богу, с третьего часу завалился до коих пор... все напились давно...

Муж ровно дышал, обернувшись к стене.

– Ну как знаешь! Не пеняй!

Чиновница подозревала, что муж слышит.

– Как хочешь! Не встаешь и не вставай! Скажу самовар убирать...

Муж не отвечал.

– И сиди без чаю! До двенадцатого часу, что ль, держать? И так никакого порядку нет... У других все разом отопьют, тихо, смирно... а у нас как постоянный двор!

Чиновница начинала входить в раздражительный тон.

– Один придет, другой уйдет, пять самоваров, что ли, ста-

вить? Ты хоть бы для примеру... хозяин ты называешься или нет! Хозяин! Протянулся, как колода; нечего сказать – пример!.. Кто бы со стороны посмотрел, похвалил бы. До седьмого часу, легко сказать! Будишь, будишь...

– Отстань! – гаркнул муж.

Чиновница сразу замолкла, ибо при конце своего монолога начинала думать, что муж не слышит, и говорила единственно ради того, чтобы высказать накипевшие на душе обиды.

– Зуда! – добавил муж, когда чиновница снова сидела у самовара... – ду-ду-ду-ду-ду-ду! Минуточки покою не дадут!

«Какого еще покою? – подумала чиновница, – заплыли глазища от дрыхни, все беспокойно!..»

– И бери свой самовар, очень нужно! – тише и скромнее заключил муж, укладываясь покойнее и закрывая глаза.

Чиновница молчала и думала:

«Возьми-ко самовар-то, сам после будешь зудеть: хозяину глотка чаю не дали; пою, кормлю, – а сам все с голоду»...

И самовар остался на столе. Чиновница была обижена и поэтому впала в какое-то тупое, бездумное состояние, которое у ней иногда ни с того, ни с другого разрешалось слезами. Она встала и вошла в детскую.

Это была небольшая комната, битком набитая детскими кроватками, люльками и наполненная каким-то нездоровым воздухом, потому что здесь на веревочке, протянутой около печи, сушились детские одеяльца, пеленки и проч. Стены

были ободраны, в особенности около детских постелей; из-под болтавшихся лоскутьев обоев виднелись какие-то мелко исписанные бумаги, линеванные бланки, газетные объявления и проч. В углу висел длинный и темный образ, а сбоку, на стене около гвоздя, к которому цеплялся шнурок от лампы, темнело большое пятно, нахвачанное масляными пальцами. Дети шумели, тащили кошку; другие, с более мирными наклонностями, устраивали из стульев театр и представляли Петрушку, которого они еще в прошлом году видели в балагане у Спаса на Хлебной площади во время масленицы. В углу тихо поскрипывала люлька, и над ней засыпала кормилица.

– Где это наша Федосья? – спросила чиновница. – Пришла она?

– Пришла... В кухне греется, – сказала нянька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.